

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет.
Тень в смирительной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись теплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звезды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной, где полет — последний миг...
Только в доме спит ребенок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, сорву полынь,
И травую горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полета, уходи-ка! Полечу потом, потом...

А кровь ее — небесного состава,
И крылья есть, но только счастья нет.
Вчера она бежать за ним устала,
Пушкой поспит, Ты не включай рассвет.
Вернуть его пытался дождь поддатый,
И даже лес пошел наперерез...
Но он ушел! Сломал замки и даты,
Наверно, снова в ад к чертям полез.
Он там тусит под песни бедуина
И кличет ветер, стоя на краю,
И в коконе слепого кокаина
Он ловит кайф, зараза, мать твою...
И ей — представь? — вот этот демон нужен —
Больной, обросший, раненый — любой!
Когда луна клонируется в лужах,
Придет он к ней, чтоб пить ее любовь.
А завтра на ладонях мокрый ветер
Им принесет апрельское тепло.

Я так хочу, чтоб ей на этом свете
Леталось... Слышишь?
Всем чертям назло!

В соломе света день сияет ныне,
Теплее молока вода в реке.
Пастух, хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.
Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зев печи, закат огнем пылает,
Несут коровы небо на рогах.

Кровь степная в жилах — степи от порога,
Сердцем принимаю соль и боль села.
Не сойти с дороги, если ты — дорога,
Не попасть под стрелы, если ты — стрела.
Мне не надо моря и не надо лета,
Здесь живу открыто, душу не тая.
И на кромке Света есть соломка света,
На которой можно твердо устоять.

Я оденусь в шелк июля,
Не зови меня — ушла.
Пусть молва летит как пуля,
Зависть жалит как пчела.
Над ручьем и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой,
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И зонта дырявым сводом
Не закроюсь от дождя.
Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля...
Я свободна, как лягушка,
В черном клюве журавля.

Почат январь, собрали конфетти,
В пустом дому одна не заскучаю:
К обеду Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Под вечер дом теплеет, как душа,
И трель сверчок на нитку ночи нижеет.
Перед рассветом, крыльями шурша,
Стихи с небес слетаются на крышу.
И хорошо, что город далеко.
Живи себе да печь топи на благо.
Есть тишь и свет, есть мед и молоко,
И два пути — до неба и продмага.

Врастая в небо корнями веток,
Деревья сцедят целебность сини.
Горчичный пепел стряхнет осина,
Луна на дынях оставит слепок.
По поворотам устав шататься,
Накрывшись дерном, заснет дорога.
Из всех пернатых одна сорока
Все утро будет со мной ругаться.
Оставив четверть тепла и света,
Сентябрь выпьет всю жирность солнца.
То — завтра... Ныне, на самом донце,
Горит последней песчинкой лето.

За пядью пядь, все сорок пять годков
Я уступила без борьбы былому.
Пришел сентябрь, смел в стога солому
Любви, страстей, поджег и был таков.
Качнулась влево чаша бытия,
Токсична осень — скука душу точит.
То в междуречье, то вдруг в междустрочье
Мелькнет порою неба колея.
А по весне в душе растает лед,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер рекам вскрыет вены
И к водопою ивы поведет.

